

**МЕССИЯ ВЕРНУЛСЯ НА ГАИТИ,
НО ЭТО НЕ ПОМОГЛО:
*Письмо из Порт-о-Пренса, 1953-2008***

Перевод с английского – Татьяна Азаркович
по изданию: Herbert Gold © The Messiah Returned to Haiti, but It Didn't Help:
Letter from Port-au-Prince, 1953-2008 (2009; P.S. – 2010).

For presentational & educational purposes only
(серия letterra.org: 043)

Иисус добр, а Дамбалла могуч.

– Гаитянская поговорка.¹

В мае 2008 года гаитянские законодатели, не в силах найти средства от эпидемии убийств и похищений людей, не говоря уж о всегдашней нужде и нищете, усугубленных параличом правительства из-за неспособности законодательной власти избрать нового премьер-министра, – ушли на каникулы. Однако главная гаитянская газета, *«Ле Нувеллист»*, умудрилась найти и хорошие новости. Табачная компания *«Комильфо»* откликнулась на кризис, сообщив о том, что выпускает новые, более дешевые сигареты – *«Ле Пуан»*, и заявив о том, что они будут такими же «вкусными», как и более дорогостоящие сигареты, которые курят более дорогостоящие люди.

Вот дословный перевод новостного выпуска от 24 мая: «Как и все великие предприятия, мы трудимся не покладая рук, чтобы удовлетворить запросы наших клиентов, наших служащих, а также для того, чтобы оставаться предприятием высокого гражданского мужества». (По-французски там было сказано даже более изящно: *«hautement citoyenne»* – «в высшей степени гражданственным».)

Поздравляю, *«Комильфо»!* Хотя я и бросил курить, мне выпала привилегия вдыхать это удовольствие, завтракая на своем привычном месте на красивой и грустной террасе гостиницы *«Олоффсон»*, к которой я пристрастился еще 55 лет назад. В Гаити я снова превращаюсь в пронырливого студента, околдованного этой трагедией, под которую можно танцевать. *«Олоффсон»*, стоящий на склоне горы Порт-о-Пренса, опирающейся на спины своих термитов, давно уже стал для меня вторым домом.

Если судить по новостям, то боги подарили миру Гаити, чтобы бедные и голодные люди из Африки и Азии могли ощутить благодарность за то, что им повезло. Один старинный приятель, жрец культа вуду, на мои вопросы об эпидемии похищений ответил лаконично: «Мои люди об этом не говорят». Он произнес «мои люди» с чувством собственности, а потом поправился: «так называемые похищения».

¹ Дамбалла, великий бог-змея, – глава пантеона вуду. (*Здесь и далее – прим. пер.*)

В последние дни правления президента Жан-Бертрана Аристида, бывшего священника, ранее известного под прозвищем Мессия, в Майами арестовали наркоторговца Жака Кеттана, крестного отца дочери Аристида, и он обо всем рассказал. После распространения новостей началась паника: над Порт-о-Пренсом, как гигантские вороны, кружили вертолеты – вероятно, с воздуха уничтожая наркоторговцев. Партия Аристида «Лавалас» (?) называла его режим «авторитарной демократией»; в основе своей это была, скорее, хищническая демократия. Когда в Кап-Аитьен начались уличные демонстрации, «Лавалас» разразился предупреждением: «Похоронные конторы, раскрывайте двери».

Один политический обозреватель признавался мне: «Мне нравятся террористы – мне не нравится то, что они делают». Этот философ-стоик, к тому же медицинский доктор, опубликовал книжку о гаитянах, которые *не* погибли в Центре международной торговли. Такая заикленность на гаитянских делах зачастую кажется негаитянам настоящей паранойей. В пятидесятые годы Философский кружок (Cénacle des Philosophes), в который входил и я, иностранец, постановил, что Гаити должен выступить в качестве посредника в «холодной войне» между США и СССР. Там полагали, что юный студент из Кливленда, Огайо, – агент ЦРУ, и понукали меня командовать моими мелкими сошками в пригороде Вашингтона, в округе Колумбия. ЦРУ, опять-таки, обвиняли в том, что оно насылает ураганы, чтобы ослабить местную экономику. Позже, опасаясь свиного гриппа, США действительно навредили экономике Гаити, истребив здесь «сочоны поиры» – гаитянских проворных черных свинок, которые служили источником протеина и живыми копилками для бедняков. Вместо них американцы завезли сюда из Айовы неопрятных, на убой раскормленных жирных свиней, но оказалось, что они неспособны питаться отбросами и, вдобавок, похоже, тоскуют по родине. Все свиньи из Айовы издохли.

Гертруда Стайн писала что-то вроде: «Я – это я, потому что меня знает моя собачка». В Гаити у меня порой возникает ощущение, что я – это я, потому что многие из моих друзей, тешась иллюзиями или фантазиями, не знают меня. Если я не из ЦРУ, тогда какого же чёрта я вновь и вновь приезжаю сюда вот уже пятьдесят пять лет? Музыка, живопись, ностальгия, благодарность за то развлечение, что помогало мне исцелить раны от неудачного первого брака, – всех этих мотивов, разумеется, недостаточно – даже если их вполне достаточно для меня.

В 1988 году я посетил Марка Базена в ходе одной из его предвыборных кампаний на пост президента Гаити. Он был образцовым – учился когда-то на экономиста; работал во Всемирном

банке в Нью-Йорке. Он недавно женился. Следуя освященной временем журналистской традиции приносить в интервью человеческую живость, я спросил его, почему он впервые женился, когда ему уже перевалило за пятьдесят.

Он любезно улыбнулся и ответил: «Лучше многих женщин сделать счастливыми, чем одну – несчастной».

Это был человек, которого я мог поддержать; разумеется, законным образом. Я не имею права участвовать в гаитянских выборах, хотя, когда я посещал избирательный участок, мне предложили опустить бюллетень в урну. Но я ведь не гражданин Гаити, возразил я. «Зато вы гость в нашей стране, – возразил мне член наблюдательной комиссии. – Пожалуйста, проголосуйте!»

Мы с голландским журналистом Яном Донкерсом оказались в числе тех немногих, кто отважился выйти на улицу в ту лихую пору. Утром у наших дверей лежали чьи-то тела. Когда мы вернулись в гостиницу, толпа взволнованных журналистов уже собралась в баре, и мы рассказали им о своих приключениях. Новостная служба «Юнайтед Пресс Интернэшнл» разослала сообщение о том, что «корреспондент из Сан-Франциско Герб Каэн принял участие в выборах в Гаити». Близко к правде, ребята, но не все Гербы одинаковы.

Президента выбрала гаитянская армия – это был подбор, а не выборы. При Детке Доке¹ Марк Базен безуспешно пытался «обеззаразить» привычку семейства Дювалье использовать государственную казну Гаити для собственных удовольствий; за это его прозвали – отнюдь не благосклонно – «Мистер Чистюля». Хуже того, в народе поговаривали, будто он «втайне» гражданин США, – вроде того, как Барак Обама – «втайне» мусульманин. Убийства и хищнические ограбления не прекращались. Порой на Гаити наступают трагические и вместе с тем несерьезные времена. Разумный человек, Марк Базен, задался неразумной целью – стать президентом.

Под предсмертный хрип

В сентябре 2003 года Амьё Метэйе, главарь Каннибальской армии – банды, терроризировавшей противников президента Аристида, – был найден мертвым. Ранее он был освобожден при загадочном побеге из тюрьмы, а ордер на арест за поджог двадцати домов был аннулирован. Даже такая живописная подробность, как то, что ему прострелили сердце и оба глаза, не

¹ Детка Док – прозвище авторитарного правителя Гаити Жан-Клода Дювалье (1971-86), сына правившего ранее «Папы Дока» – Франсуа Дювалье (1957-71).

показалась бы привлекательной читателям американских модных журналов.

Гаити умирает, Гаити продолжает жить. Это как будто могильная постановка пьесы Сэмюэля Беккета. Гаити больше так не может. В Гаити всё по-прежнему.

Похищения людей, убийства, поджоги, бунты, эпидемии болезней – то накатывающие, то ненадолго отступающие, то вновь приливающие мощной волной, – характеризуют общество, которое отошло от постоянных упорных кризисов и погрузилось в хаос. Прославленная законодательная власть сокрушается, ведет дебаты, выступает со звучными заявлениями, а затем откладывает свои заседания, и политики, размахивая мобильными телефонами, подзывают своих шоферов и отправляются на продолжительные каникулы, которые проводят на приморских виллах или в горах, в сельском Кенскоффе, где прохладнее. Там выстроены швейцарского типа шале, и, хотя здешний климат и не позволяет кататься на горных лыжах, можно шеголять в свитерах крупной вязки. Никто в точности не знает, сколько миллионеров процветает в этом мире с его традиционной землевладельческой элитой, с хорошо отлаженной системой транспортировки наркотиков и долгой историей чиновничьей коррупции. Президенты часто вступают в должность со своими метелками, чтобы мести к себе всё, что только попадает в национальную казну (таможенные пошлины, доходы от государственных предприятий, пожертвования из-за границы).

Бремя Белых в качестве упражнения для «белых» народов давно уже не в чести – точно так же, как сжигание ведьм на кострах или обычай оставлять в горах нежеланных младенцев или одряхлевших предков. Теперь в придачу к миссионерству старомодного толка добавилось сочувствие к туземцам, живущим без верного понимания Иисуса, или – среди менее рьяных – просто сопереживание их боли. Подобно эмиссарам религиозных орденов, обращающих в свою веру, которые, по крайней мере, предлагают кашу вдобавок к своим антивудуистским анафемам, – иностранцы, «сопереживающие боли» Гаити, нередко просто потворствуют самим себе; боюсь, что и сам я отношусь к этой категории. Те, кто пытается как-то помочь, даже наиболее практичные люди, которые прилетают сюда не для того, чтобы предлагать «духовную» помощь, зачастую понятия не имеют о здешних проблемах и возможных путях их решения. Один из примеров тому – епископальный проект восстановления лесов (прежде чем здешняя земля не превратится в совершенную пустыню). Я сказал священнику, заведовавшему этой миссией и смолвившему одну сигарету за другой, что недостаточно просто набирать доб-

ровольцев, которые высаживали бы саженцы деревьев. (А еще я попросил его не бросать свои горящие окурки в легковоспламеняющийся сад отеля «Олоффсон».) Саженцы, подаренные со-страдательными американцами, очень мило растут примерно в течение восьми часов. А потом их кто-нибудь срубает на дрова. Так что мотайте на ус, милые благодетели человечества! Привозите нефтяное топливо для стряпни; просвещайте крестьян, рассказывая им о пользе деревьев; в конце концов, нанимайте охранников для защиты деревьев. «Может, и правда надо бросить курить, – задумчиво проговорил вожак миссии, – но никто ведь не живет вечно».

Поставки риса позволяют накормить голодных прямо сейчас; они не помогают Гаити получить новый урожай риса на будущий год.

А как же гимны, молитвы, моленные бдения свидетелей Иеговы, мормонов, баптистов и разных прочих рьяных «возрожденцев»? Ну, эти напевы иногда обогащают песнопения, барабанную дробь и экстатические ритуалы, которые я слышал и видел, посещая вудуистские церемонии. А еще я видел меноры и фотографии Сильвестра Сталлоне в *унфорах* (храмах).

Традиционно страдания бедняков смягчало веселье зло-счастья – вудуистские празднества, танцы, музыка и гормональный выплеск «бамбошей» (пирушек), а также благородное чувство гордости за собственную историю: в 1804 году, после восстания рабов, победившего Наполеона в зените его власти, Гаити стал первым в современности независимым государством черных. До катастрофичной вырубке деревьев, за которой последовали неконтролируемые наводнения и эрозия почв, земля позволяла людям кормиться натуральным хозяйством, разумно террасируя горные склоны и проводя ритуалы совместной работы («кумбиты»). Когда-то солнце, светившее над Гаити, было, несомненно, лучшим в мире солнцем.

Бесконтрольный рост населения, стойкие предрассудки интернациональной общины, да еще череда жестоких, хищных правителей... Это черные вороны, а не разноцветные попугаи, в садах Буа-Верна и Канапе-Вер – районов Порт-о-Пренса, где я знал одного человека, имевшего целую библиотеку книг на русском языке (уникальное для Гаити хобби), и другого – который носил туфли из кошачьей кожи (еще более действенной, нежели женская руки, для испытания возмужалости), а также врача-адвоката со степенями в обеих профессиях, который лечил меня от малярийной желтухи, подхваченной во время охоты за сокровищами, и предупредил меня, что моя печень уже никогда не сможет фильтровать вино. В этом он оказался неправ – од-

нако я последовал его совету никогда больше не ездить с картой сокровищ в Пор-де-Пэ, городок на севере, и в особенности не выходить поболтать при лунном свете с девушками, свистевшими под моим окошком. Мирными вечерами вылетают погудеть и легкомысленные малярийные комары.

Во время недавних волнений табачная компания «Комильфо», по-прежнему «optimiste en ce qui concerne l'avenir du Pays» («настроенная оптимистично в отношении будущего Страны»), обещала, что нуждающимся и голодающим не придется стыдиться того, что они курят «Ле Пуан» – их горделивый новый продукт.

Однажды вечером, в мае 2008 года, я ехал в Петьонвиль, чтобы встретиться с Жан-Клодом Бажё на ужине первого закрытого объединения, какое я видел в Гаити. Месье Бажё, бывший католический священник, показывал Гаити Грэму Грину, как и я когда-то, в далеком 1954 году. А сейчас он решил организовать марш матерей, протестующих против эпидемии похищений и убийств, порой с пытками и изнасилованиями детей. Я сильно сомневался, что у злодеев проснется совесть и сострадание при виде суровых женщин, несущих плакаты с надписями «LES MÈRES CONTRE LE KIDNAPPING» («МАТЕРИ ПРОТИВ ПОХИЩЕНИЙ»), однако он выражал слабую надежду. «В Гаити все всё видят. – Он подергал себя за веко. – Всюду есть глаза. Тем, кто защищает похитителей, может стать стыдно».

Раньше похищение людей было чем-то почти неслыханным. Согласно распространенному мнению, так изгнанный мессия, «Титид», Аристид, который любит повторять, что его *похищало* ЦРУ, США и французы, сигнализирует своим сторонникам, что похищения – подходящий способ мести и доходное дело. Поскольку логики в этом нет, это вполне могло бы показаться логичным его бывшим «химерам» и прочим головорезам – пьяным, одурманенным кокаином, просто слепым от ярости. Тем не менее, Марш Матерей Против Похищений представляет рискованным средством защиты с прицелом в будущее.

«Похищения? – отозвался мой старинный приятель, жрец вуду. – Так называемые похищения?» Он повел плечами, выражая этим галльским жестом усталость от жизни. Потом слегка ухмыльнулся. «Да это все брехня в газетах. Просто кучи дерьма, чтобы задурить головы читателям».

Я спросил его о мальчике, подвергшемся жестоким пыткам и насилию (*violé*) перед тем, как его убили, – уже после того, как его семья заплатила выкуп.

«Это буржуа волнуются из-за подобных вещей. Ребята

же не глупые – наверно, они просто испугались, что паренек их опознает. Ты ведь знаешь, что Титида похищали ваши, а?»

Общественное устройство, и так всегда очень хрупкое, распадается. Бывший падре Бажё, обремененный совестью, по-прежнему надеется спасти души.

Пыль, дым и горе делают удушливым воздух Порт-о-Пренса, когда-то благоухавшего огненными бугенвиллиями, деревьями папайи и манго, всеми едкими ароматами плодородия и тропического разложения. Город и народ были бедны, но не приходили в уныние. Мой сын Этан, когда ему было десять лет, бродил в одиночку по улицам, и его забавляли смех, болтовня, шутки. Запах древесного угля говорил о том, что где-то готовится пища. Однажды стройная аспирантка из Беркли, вознамерившись давать добрые советы своим духовным братьям и сестрам, попросила меня объяснить по-креольски женщине, готовившей для своих детей на ужин рис и фасоль: «Скажите ей, что она слишком усердствует с углеводами».

Рис с фасолью полностью обеспечивают людей протеинами, дорогая моя. Это ты у себя в Беркли можешь переусердствовать с тофу и суши.

«Скоро здесь всё взлетит на воздух. Я жрец вуду, уж я-то знаю».

«А откуда ты знаешь?»

«У меня мать была мамбо.¹ Уж я-то знаю».

«Знаешь – что?»

«Да всё подстроено. У них есть свой план, и они его выполняют».

«А «они» – это кто? И что за «план?»»

На эти вопросы мой приятель отвечает холодным всезнающим взглядом – универсальным властным взглядом вожака стаи. Я встречал такой взгляд среди «Черных пантер» и последователей Тимоти Лири; и, разумеется, они тоже, как теперь мы понимаем, пришли к власти над миром – во всяком случае, в некоторых его частях, в окрестностях Окленда, штат Калифорния, и Ньюарка, штат Нью-Джерси. Во время этого разговора мы стояли на улице перед модным, в американском стиле, магазином под названием «LE SHOP-SHOP».

Раньше, бывало, мне советовали не задавать таких вопросов, на которые можно однозначно ответить «да» или «нет», например: «Я так пройду к магазину Шоп-Шоп?» Потому что прохожий всегда будет отвечать «да». Просто потому, что сказать иностранцу «нет» – невежливо. Правильнее задавать вопрос иначе: «*Как* пройти туда-то?»

---

i Жрица вуду.

Теперь же, в эпоху, когда отчаяние порождает паранойю и тайное знание – вернее, притязание на такое знание, – на вопрос: «Как пройти туда-то?» отвечать, возможно, станут: «Я это знаю, а ты – нет».

В газетах всегда печатались напыщенные передовицы вроде той, что я только что прочел: «Мы живем во времена великих потрясений, страха и глубокого раздумья...» Правда, читать здесь умеет лишь малая часть населения. Однако, если не считать кратких периодов веселья, когда один жестокий режим сменяется другим, еще не успевшим сделаться столь же жестоким, – эти слова отражают почти непрерывный цикл страданий и угнетения.

Бог и боги обещали мир и изобилие. Бывший доминиканский священник, Жан-Бертран Аристид, некоторое время являлся их представителем на земле. И не случайно во время переворота Седраса его благоговейные последователи называли его кодовой кличкой: Мессия.

Он явился. Он вернулся благодаря доброй воле президента Клинтона, а также страху перед «лодочниками», прибывшими к берегам Флориды. Он пришел, увидел... и превратился в очередного неудавшегося бога.

Те, кто любит Гаити, обнаруживают, что каждый гаитянин в отдельности – чародей. Любая группа стремится стать толпой. Буйные солдаты Каннибальской армии сейчас могут вновь оказаться ангелами, вроде Амьо Метэйе, угодившего в рай после предупредительных выстрелов в глаза и в сердце, хотя Мессия, нашедший пристанище у южноафриканского Мбеки (который выгораживал, пока мог, и Мугабе из Зимбабве), возможно, хотел бы, чтобы неоплаканного покойного Амьо Метэйе поддерживали более энергично.

Жрец вуду Макс Бовуар обрел некоторую известность, потому что посещал Корнеллский университет и свел одного американского хроникера с зомби (скорее всего, это был шизофреник в состоянии кататонии), который ненадолго вышел из своего транса и попросил писателя, отправляясь в свои Гуливерчивые Путешествия,¹ взять его с собой в Чикаго, познакомиться с красивыми женщинами и угостить обедом в Зале минеральных вод. Обычно зомби себя так не ведут; видно, их уже не производят на должном уровне.

Однажды жена Макса Бовуара позвонила мне и попросила вызволить их сына из тюрьмы. (Считается, что американцы, часто посещающие Гаити, – агенты ЦРУ, которым все под силу.)

¹ В оригинале – Gullible Travels. Gullible значит «доверчивый, легковерный»; ср. «Gulliver's Travels».

Сейчас месье Бовуар заметил, что в моде сильные лидеры, а потому назначил себя Великим Гаитянским Жрецом Вуду, вроде папы вудуистского мира, хотя его и не выбирало ни одно собрание вудуистских кардиналов.

Одному из соперников Бовуара не дает покоя такая дерзость. Обычно, приветствуя посетителей, он сразу заявляет им: «Здравствуйте, добро пожаловать в Гаити, но только величайший жрец вуду в Гаити – это я, а не тот парень».

Здоровье рассудка, похоже, исчезает вместе с запасами продовольствия. В Бурдоне незнакомец вошел в чей-то дом и заявил: «Я пришел тебя убить». – «Почему?» Вопрос этот разозлил убийцу. «Не спрашивай меня! Откуда я знаю? Я просто выполняю свою работу».

Старый приятель, хихикая, рассказывает мне, что сыграл шутку с одним человеком, который ему не по душе.

«Я разоблачил его! В Интернете! Как агента ЦРУ!»

«А это правда?»

Тот пожал плечами.

«Я испортил ему жизнь. Теперь все, что он делает, – это только прикрытие. Прикрытие! В Интернете!»

«А это правда?»

В ответ мой обычно весьма разговорчивый приятель только молча и довольно улыбается.

Некоторые текущие события кажутся просто карнавальными, но люди-то гибнут. Это карнавал смерти. Вмешательство полиции порой еще хуже невмешательства (из-за коррупции); про суды можно сказать то же самое (см. предыдущие скобки). В июне 2008 года, когда не было премьер-министра, страной никто не управлял. Президент Рене Преваль, кроткий агроном, некогда протеже Аристиды, благоразумно держался на расстоянии, находясь в своем запятнанном изгнании. Но не на слишком большом расстоянии. Законодательная власть очень любит каникулы – хотя те, кто борется за выживание, не могут взять выходные. Местные газеты дают резюме общей ситуации, твердя его, будто лозунг: «La ravine Haiti». Бедный Гаити.

И все же состоялась книжная ярмарка, где многие бывшие и будущие кандидаты в президенты предлагали поставить автографы на своих книгах. Говорят, каждый гаитянин с образованием получше среднего убежден, что достоин работы выше сенаторской; звания если не Президента, то Автора.

Литературную премию Гаити получил новый роман. Вот его сюжет, вкратце изложенный в «Нувеллисте»: «Государственный чиновник лишился рабочего места из-за требований структурного преобразования Всемирного банка, и поэтому сделался

серийным убийцей».

В прежние времена «*Нувеллист*» публиковал отчеты американской фондовой биржи, но потом, ввиду отсутствия интереса, перестал это делать. Зато освободилось больше места для новостей из литературного и художественного мира, а также для перечня участившихся убийств: «...три (3) сына Виолы Робер». Репортер нарочно использовал и слово «три», и цифру (3), после чего высказал предположение, что теперь-то полиция обратит на это внимание. Что она, конечно, не преминет сделать, если соответствующий интерес проявят лица, стоящие несколько выше, чем мать убитых. Быть может, когда окончатся затяжные каникулы.

В тот день в 2008 году, благодаря съеденному с опрометчивым аппетитом обеду, я пришел к заключению, что в странах третьего мира нет атеистов, нагибающихся над унитазами.

В мае-июне 2008 года я побывал в Гаити по приглашению посольства Франции, чтобы поговорить о своей книге *«Лучший на земле кошмар: Жизнь в Гаити»*. Добрые французы обеспечили меня машиной с водителем. По ночам на улицах стояла зловещая тишина – а раньше на них бурлила шумная жизнь, люди готовили еду, смеялись, готовились к занятиям под уличными фонарями, сплетничали, флиртовали, и целые семьи наслаждались прохладой.

Потери среди старых друзей продолжали расти: Исса эль-Сайе, прежде музыкант, а потом арт-дилер; Обелен Жоликёр, журналист и жулик, которого я знал с 1953 года; Фортюнэ Бога, Жан Вейнер, Жак Ларж, Андре Пьер, большой художник и жрец вуду, а также многие другие теперь жили лишь в моей памяти.

Жизнь продолжается. Марк Базен и Лесли Манигат, некогда соперники в качестве кандидатов в президенты, вместе подписывали свои сочинения на книжной ярмарке «*Livre en Folie*». Манно эль-Сайе, сын Иссы, выиграл тяжбу против Бабетты, своей сестры, однако смысл слова «выиграл» в Гаити понимают по-своему. Если ты проигрываешь, то просто начинаешь тяжбу заново, обратившись к другому судье, или платишь полиции, чтобы те не давали привести решение суда в исполнение, или нанимаешь бандита, чтобы тот свел счеты с твоим противником – если, из робости или уважения к семейным узам, ты не желаешь заниматься этим сам.

Однажды поздним вечером, когда я ехал по молчаливым улицам, какие-то люди, озираясь по сторонам, куда-то спешили. Мимо прогрохотал грузовик с голубыми ооновскими знаками. Ооновские силы – в основном, это бразильцы и нигерийцы

– предотвращают множество бунтов; пожалуй, ограничивают их; пожалуй, не очень-то пресекают их. Углубляться в городские трущобы опасно, а потому они держатся от них подальше. Несколько лет назад бразильский генерал, возглавлявший здесь ооновскую миссию, покончил с собой в номере гостиницы «Монтана».

Пока гаитяне не начнут снова высаживаться с лодок на берегах Флориды, США будут оставаться равнодушными. Один мой друг заметил: «Вам, северным американцам, интересно читать только про Бритни Лоэн».

«Спирс», – педантично поправил я его.

«Джей-Ло», – весело поправил он меня.

В продаже – кандидаты в Мессии

Гаити гордится тем, что на его территории действует несколько троцкистских партий, обычно насчитывающих по два-три члена, а еще одна коммунистическая партия, где число членов выше более чем в два раза. Я сидел на складном стуле среди группы активистов и слушал их вожака: «В будущем рабочий класс неизбежно одержит верх», – пророчил он. Было бы невежливо просить его поделиться более подробным анализом. «Si le Bon Dieu v'la», – пробормотала единственная женщина в собрании. «Если пожелает добрый Господь».

Самые знаменитые строки из пьесы Сэмюэля Беккета «В ожидании Годо» говорят о застое, о тщетности надежды. Если бы Беккет был гаитянином, то те же самые слова относились бы напрямую к борьбе за выживание. К выражениям лиц мужчин и женщин, отчаянно пытающихся добыть пропитание для себя и своих семей: «Я должен продолжать, не могу продолжать, буду продолжать». Или же – если говорить о более сытом сословии: «Скоро я стану президентом».

Величавые, разноцветные птицы с пышным оперением, когда-то жившие в обнесенном стеной саду моего любимого гранд-отеля «Олофсон», куда-то исчезли – вместе с эпитетом «гранд». Мне не хватало взглядов их глаз-бусинок, их нарочито вальяжной поступи. Ричард Морзе, управляющий, постоянно живущий при отеле, музыкант и жрец вуду, а когда-то еще и аспирант Принстона, бывало, говорил мне: «Если бы вы жили в нашем саду, вам бы захотелось отсюда уйти?»

А они куда-то ушли; может быть, их съели.

Ричард подсказал мне возможный ответ, когда я сказал ему, что скучаю по птицам. «Герб, это же были индюшки – не фламинго. Кулдык-кулдык!»

Кем бы ни были те птицы, их сменили огромные черные вороны, которые хрипло каркают: такие огромные черные метафоры, быть может, на своем беглом вороньем языке твердящие: «Nevermore».

Гаити погибает, Гаити спасается, Гаити продолжает умирать

Бывший полковник Седрас, сам себя произведший в генералы, отнявший власть у президента Аристиды в результате переворота, который поддержали в ЦРУ, представлял собой сюрреалистическую помесь философа с чудовищем. Сияя ослепительно белыми одеждами, украшенный лентами за героические действия в воображаемых войнах, он говорил так: «Гаити – это страна, где смерть предпочтительнее жизни». Вблизи своей приморской резиденции он забавлялся нырянием с аквалангом. Одна знакомая американка в Сан-Франциско заметила: «Мне нравится генерал Седрас, по-моему, он отлично выглядит». Она имела в виду те фотографии, где у него почти кавказские черты лица и цвет кожи.

В 1994 году перевороту был дан задний ход – с помощью американских войск численностью 20 тысяч человек. Президент Аристид возвратился.

Я примкнул к толпе, которая приветствовала его на триумфальной торжественной мессе в кафедральном соборе Порто-Пренса. Вместе с инженером-гаитянином, надевшим по случаю такого события пиджак, белую рубашку и галстук, я лежал в грязи за низкой каменной стеной, рассуждая о счастливом будущем, а твердолобые бандиты Седраса стреляли по нам из бара «Ренессанс», что вблизи собора. Одного из бандитов толпа окружила и осыпала угрозами; он пообещал показать, где спрятано оружие; его быстро простили и подняли на плечи – в праздничном духе примирения; он совершил ошибку, соскользнув с плеч людей и попытавшись убежать; его быстро зарубили мачете и обезглавили. Гаитянский инженер рассказывал мне, что получил диплом Лавальского университета в Квебеке, и что теперь он надеется найти работу в сфере расширяющейся электрификации города.

Улыбчивый маленький бывший священник – худощавый, звонкоголосый, обаятельный – на волне всеобщих надежд вновь очутился на прежнем посту. Но куда больше, чем задачами электрификации, Жан-Бертран Аристид занимался проповедью собственной благой вести. Спустя год я слушал в качестве гостя

в Национальном дворце его речи, которые он произносил, стоя на балконе и обозревая сверху парад школьников. Закончив монотонную проповедь с изложением планов грядущего избавления от бед, он обычно, по очень скромной привычке, умолкал, чтобы обдумать про себя сказанное. После надлежащей медитации он соглашался с самим собой; а потому произносил все снова. И снова. И снова.

Нет никаких сомнений в том, что Аристид избран законно. Можно почти не сомневаться в том, что этого не произойдет вновь. Многие из тех, кто поддерживал его, ощутили его провал как предательство («провал» – еще недостаточно крепкое слово, чтобы обозначить его попустительство растущему насилию, о котором на словах он елейно скорбел). История президентов Гаити разворачивается как будто по нескончаемой замкнутой цепи: разные актеры выходят на передний план и занимают центральное место, после чего удаляются на обеспеченный покой куда-нибудь на юг Франции, в Квинс или в Южную Африку, где Аристид, например, пользуется гостеприимством Мбеки, располагает электронной почтой, факсом, средствами радиовещания, а все печали Гаити находятся в его бережных объятиях.

«Когда люди голодают, – заметил президент Аристид, – это приводит к страданиям». Вот наблюдение, достойное уровня Джорджа Буша (тот сказал: «Когда люди остаются без работы, это приводит к безработице»). По-креольски человека, закончившего американский университет, называют словом «мастерзоф». Один такой восторженный «мастерзоф» уведомил меня: «О, сэр, я очень люблю читать! Наверное, как вы, я читаю все подряд! От романов до беллетристики!» Еще он доверительно сообщил мне, что его жена – заядлая писательница, «только она никому не дает читать то, что пишет. Très timide!ⁱ Хотите что-нибудь почитать из ее сочинений?»

«Это, наверное, что-то сугубо личное?»

«Да вы ничего не поймете. Никто не поймет. Слишком глубоко!»

«Что ж, это очень благоразумно с ее стороны, если она никому не показывает свои сочинения», – сказал, желая хоть как-то помочь.

«Да-да, но, по правде говоря, между нами, стариками, – дрянь все это полнейшая. Уж я-то знаю – я ведь окончил университет в Финиксе, я специалист по человеческим коммуникациям. К тому же, я – ее муж».

Когда меня пригласили на вечеринку в обставленный в духе Беверли-Хиллз дом одного из руководителей некоего государственного предприятия, я наблюдал, как дюжина, а то и

i Слишком застенчива! (фр.)

больше слуг и телохранителей с непроницаемыми лицами разносят закуски. Бывший полковник упраздненной гаитянской армии, продолжавший щеголять в сверкающих белых одеждах, забавлял гостей, передразнивая крестьянина, который не знает, что ему делать с чашечкой кофе на блюдечке. Крестьянин долго тарасится на чашку, потом соображает, что, наверное, правильно будет вылить кофе на блюдечко, а потом быстро опрокинуть в разинутый рот. Гости довольно хихикали; на лицах слуг оставалось каменное выражение.

Условием, выдвинутым для поступления иностранной помощи после реставрации режима Аристиды, была приватизация коррумпированных государственных промышленных предприятий, которые традиционно управлялись (точнее, разграблялись) клепто-элитой и бонтонными макутами, оставшимися еще со времен правления двух «докторов» – Папы и Детки. Президент Аристид согласился принять такое условие, но оно не было выполнено. Гаити – для гаитян! (Для тех, кто знает, что не нужно выливать кофе на блюдечко.)

Другим оговоренным условием были честные выборы; но и им на практике пренебрегли. А поскольку помощь прекратилась, государственный корабль накренился и начал тонуть; Аристид обвинял во всем иностранную (белую) двуличность. Неофициальных головорезов, поддерживавших режим, уже не называли «кагулярами»¹, «дядюшками макутами» или «атташе». Теперь они звались «химерами» – очень милое и поэтичное наименование для таинственных банд, повиновавшихся знакам, подаваемым из тронного зала Мессии.

Национальная полиция Гаити регулярно объявляла об арестах и конфискации наркотиков. Было подсчитано, что через Гаити проходит 15 или 20 процентов кокаина, переправляемого в США. Когда американцы пожаловались, правительство Аристиды объявило о новых арестах и новых конфискации. Эти призрачные мероприятия были для наркоторговцев все равно что укусы москитов. Позавидовав Колумбии, получившей значительные средства для препятствования ввозу наркотиков, Аристид попросил выслать ему вертолеты и деньги.

В негосударственные организации, вызывавшие наибольшее доверие, продолжала поступать небольшая помощь, направленная на восстановление лесов, медицинская помощь и пищевые продукты для голодающих, но режим был переведен на запасной путь. Хотя сам Аристид был восстановлен в должности стараниями США, он выследил американскую «лабораторию», целью которой являлась компрометация его демократического

¹ Кагуляр – член французской фашистской организации перед Второй мировой войной.

правления, и, как обычно, припоминал историю американского расизма, одновременно восхваляя доблестных гаитянских борцов за свободу – вроде «химер». После возвращения Аристиды в стране на короткое время воцарился оптимизм. Но уже вскоре плохие новые времена начали приближаться к плохим прежним временам.

Во время одного из моих пребываний в Гаити «химеры» убили студента-медика Эрика Пьера. Врачей убивали безо всяких оснований – разве что, возможно, из злобной зависти к их образованности. Университет Гаити подвергался нападениям «химер», точно так же, как раньше – макутов обоих Дювалье и «атташе» эпохи переворота Седраса. Президент Аристид произносил одну речь за другой, вознося славословия нестигаемому, и т.д., мужественному, и т.д., доблестному, и т.д., свободолюбивому гаитянскому народу.

Романтика не иссякает

«Человек живет не дольше, чем его тень, но когда он умирает, то тень его остается невидимкой». Хотя гаитяне порой бывают мудры, одной лишь мудростью не накормишь детей досыта и не защитишь их от недостатка белков. Когда еды не остается, то никакая тень еды не облегчит мук голода.

Для иностранных любителей Неизвестного полная потрясений история Гаити выплескивается за рамки каких-либо четких дат. В оживленном и суматошном международном аэропорту Порт-о-Пренса приземляются всяческие благодетели с их добрыми намерениями, обычные хищники со своими аферами, а также мормоны, свидетели Иеговы и всякие баптисты, евангелисты, которые спасают души, ловя их на приманку из риса, бобов и прочувствованных потных объятий. Члены англиканской церкви и шведы рвутся сажать деревья, которые вскоре все равно срубят на дрова. Идут дожди; почва уносится в мутных потоках в море. Дела становятся все хуже. И ухватиться не за что – нет центра.

В 2003 году в Кап-Аитьене планировалась антиаристидовская демонстрация. Вожак партии Аристиды-Лаваласа произнес их всегданнее заклинание: «Готовьте гробы. На этой неделе похоронным конторам перепадет много работы». На стенах появились тщательно выполненные граффити: «Мы любим Титида... Титид – навсегда... Мы все дети – Титида». Если верить *тележолу* («телеустам») – гаитянской машине слухов,

– эти лозунги сочинял сам Мессия. Никто не осмеливался замазывать их.

Вот выдержка из Открытого письма к ООН от члена «Конвергенции» – группы разочарованных оппозиционеров: «Наш народ всегда поднимался до требований своей исторической миссии».

Это была высокопарная чушь. Что это за «наш народ»? Что означает «подниматься» в случае общества, неуклонно сползающего вниз, несмотря на краткие периоды экзальтации? И что за «историческая миссия»? Если имелось в виду намерение этой первой в современном мире черной нации послужить для других вдохновляющим примером, то представляется, что эта модель оказалась скорее похожа на Зимбабве. Если не считать нескольких героических гражданских фигур – людей, жаждущих чего-то большего, чем просто деньги и власть, – то диктатор на своем месте исторически связан с оппозицией непримиримыми чертами сходства: это деньги и власть. Различия не столь существенны. Некоторые любят особые забавы: садист Папа Док обожал пытки, а добросердечный президент Поль Маглуар предпочитал охотиться на женщин (моя тогдашняя жена тоже сделалась объектом его настойчивого внимания). Для Аристиды же забава состоит главным образом в том, чтобы его почитали как кумира, когда он жеманно произносит с трибуны проповеди-наставления, будто дошкольный воспитатель.

Что особенно горько сознавать, наблюдая этот спектакль, – это напрасная трата человеческой отваги и честности. Можно вспомнить человека, который трое суток прятался в моем гостиничном номере: его преследовали за неосмотрительно откровенные политические высказывания; или доктора Фредерика, офтальмолога, прошедшего обучение в США, который целыми днями сидит в своей клинике и лечит больных с глаукомой, катарактой, глазными повреждениями, принимая в качестве платы малые крохи, какие могут предложить его пациенты, а часто и вовсе задаром; или Жана Доминика, агронома и радиожурналиста, который раньше поддерживал Аристиду, но был убит после того, как высказался против Аристиды, мертвой хваткой вцепившегося во власть и не сдержавшего обещаний. Можно вспомнить и трудолюбивых, щедрых, одаренных гаитян, борющихся за существование.

Вырождение государства продолжалось, хотя президент Аристид и приглашал сирот и уличных ребятишек поплавать в его бассейне в обнесенном стеной саду президентского особняка в Табарре. Я тоже был приглашен к нему, однако приглашение было отменено после того, как кто-то из его атташе по связям с Америкой (ими работали несколько оболваненных молодых

женщин) – прочел мою статью, опубликованную в «Лос-Анжелес Таймс». Я все-таки поехал в Табарру, заглянул сквозь ворота, но мне было отказано и в интервью, и в посещении бассейна. Когда я попросил охранника пропустить меня, он, не говоря ни слова, нацелил на меня автомат, и я понял намек.

Когда я ехал в Табарру, а потом обратно, так и не поплавав и не взяв интервью, водитель обратил мое внимание на отремонтированный участок дороги, ведущий к этой резиденции в недавно отстроенном районе Порт-о-Пренса. Он намекнул, что было бы неплохо, если бы я сообщил потенциальным туристам о новеньких светофорах и о заполненных выбоинах на дорогах (да, светофоры – новенькие и блестящие, но они не работают; а выбоины и ямы заполнены в основном грязью и водой). Так или иначе, туристов тут было мало, если не считать миссионеров, явившихся сюда спасти души. А еще были дантисты и врачи, предлагавшие здесь свои услуги. Один дантист из Бостона рассказывал, что он едва руку себе не вывихнул, выдергивая гнилые зубы, спасая от боли и абсцессов столько детей, сколько было ему под силу. Миссионеры предлагали пищу и Иисуса. Наркоторговцы предлагали быстрое утешение.

Для моего водителя, как и для многих гаитян, правда жизни была слишком мучительна, а потому он давал выражение некоей более удобоваримой смеси иронии и оптимизма, за которой скрывались тоска и отчаяние. У него было много детей. Жизнь продолжается, настаивал он, а значит, нужно петь, шутить и пытаться накормить своих детей, чтобы они жили, а может быть, чтобы даже дожили до зрелого возраста.

Кроме торговцев наркотиками и одержимых сексуальными похождениями, иностранцев в «Олоффсоне» было совсем немного. Мясистый немец, которому нравилось, когда у его ног кучкуются с хихиканьем половозрелые девицы и прочие иждивенцы, сидел в баре и смотрел телерепортаж о взрыве, совершенном террористом-смертником в Израиле. Немец повернулся ко мне и спросил: «Вы ведь ненавидите всех арабов, а? Правда же?»

Его ухмылка не располагала к ответной улыбке. Я совсем не эту проблему исследовал здесь, в Порт-о-Пренсе.

«Нет», – ответил я.

«Да вам же хочется всех их поубивать. Правда же? Правда?»

«Нет», – повторил я.

«Но вы же всех их ненавидите, всех до одного, – разве не так?»

Ну, признайтесь же. Правда?»

Пора было ужинать. Я попрощался с немцем. У него явно осталось ощущение, будто он одержал большую победу, сохранив при этом обаяние.

Кое-какие целеустремленные скитальцы по-прежнему про-

плывают по порту принцев в поисках какого-то выхода из своей реальной жизни – девочек или мальчиков, или кокаина, или чего-то такого в этой стране Неизвестного, что утешит их в грустной мысли, что они еще живы. Им Гаити зачастую не кажется реальностью – в отличие от тех восьми или девяти миллионов гаитян, для которых выхода отсюда не существует.

Когда я был здесь вскоре после терактов 11 сентября в США, то встретил еще одного туриста «посттуристического» направления, который держался примерно тех же мыслей, что и мясистый немец. Американец из Вермонта прибыл сюда по сентиментальной причине – ему захотелось провести в Порт-о-Пренсе медовый месяц. Его отец, управляющий авиакомпанией, когда-то умер в Гаити. Мы смотрели новости в баре «Олоффсона»: по Си-Эн-Эн показывали войну в Афганистане. На экране мелькнули башни Всемирного торгового центра.

«Это не Осам сделал», – пробормотал медовомесячник.

«Что?»

Он повернулся ко мне.

«Думаете, у него так здорово все организовано?»

«Тогда кто же это сделал?» – спросил я.

Он немного помолчал, пока передачу не прервала реклама.

«Иностранная... разведывательная... служба». Обкусывая слова, он глядел на меня пронзительным взглядом. Я по глупости проглотил наживку.

«Да как бы Моссад убедил 19 саудовцев покончить с собой?» (Цифра у меня была неверная.)

Он – горько, устало – ответил: «Деньги».

Обед был радостью. Это не только скромная гаитянская пища – рис с бобами, рыба, курица, славные блюда, – но еще и повод сбежать в бар «Олоффсона». Я слушал, как где-то неподалеку детский оркестр играет «Panama'm Tombé» – традиционную песенку «Упала его панамы» – о том, как отрубают голову мнимому президенту. Народ так это понимает: его панамы слетела на землю, а внутри панамы была еще и голова.

Позже, уже ночью, я подскочил в постели от какого-то тяжелого, с глухим эхом удара. Со сна я подумал, что это, наверное, кокос упал на оловянную кровлю. Только над головой у меня не было никакой оловянной кровли. Через несколько секунд послышалась новая стрельба – видимо, первого выстрела оказалось недостаточно. Не было в саду отеля «Олоффсон» такого множества кокосов, чтобы падать на крыши.

В ту пору президент Аристид еще сидел на своем месте. Распевающий народные песни Мессия еще умел созывать на улицы неистовые толпы. Спаситель-борец процветал даже от

того, что позабыл о своей миссии – выволить Гаити из нищеты и поднять хотя бы до уровня достойной бедности. Нуждающийся народ нуждался в мессии – и никак не желал с ним расстаться. Однако наркodelьцы по-прежнему жирели на барышах, обездоленные по-прежнему мучились, интеллектуалы, как обычно, писали манифесты, а те, кто мог отсюда убежать, бежали. И как всегда, каждый, у кого было образование чуть выше среднего, свято верил, что достоин должности выше сенаторской. Подающих надежды кандидатов в президенты звали, например, Рокфеллер Гер¹ или Гитвельт. Гитвельт родился во время Второй мировой войны; его благоразумные родители никак не могли решить, кто же победит – Гитлер или Рузвельт; подстраховавшись, они заключили «двойное пари» – и назвали сына *Гитвельтом*.

Случай с журналистом, которого толпа зарубила мачете в Пети-Гоаве, вновь продемонстрировал политику Аристиды по отношению к инакомыслию: «нулевая терпимость». Радиожурналист Жан Доминик, бывший союзник Аристиды, начал выступать с критикой, а потом его самого убили, а его популярную радиостанцию обстреляли и ограбили. «Конвергенция» – группа критиков – располагала своим вариантом «нулевого выбора». Похоже, проводя свою политику, Аристид предпочитал жертвоприношения отказу от должности.

Что же случилось с молодым харизматическим священником-аскетом, который вдохновлял массы и обретал сторонников в международном сообществе? (Признаюсь начистоту: я тоже поначалу был оптимистом, хотя меня и тревожила его авторитарная поза гуру.) Отец Жан-Бернар Аристид оставил сан священника, женился, превратился в традиционного гаитянского правителя, сосредоточил власть в собственных руках и принялся обогащать своих закадычных дружков.

Во времена переворота Седраса, еще до того, как Клинтон возвратил Аристиду, помню, я стоял на пляже в Пети-Гоаве и наблюдал, как отчаянные люди строят хлипкие суденышки, чтобы на них попытаться сбежать во Флориду. Они шептали имя «Титид», что значит «маленький спаситель», или «Мессия», потому что повсюду были шпионы.

Убитый журналист был из Пети-Гоава.

На побережье опять полно «лодочников».

Призрак Жоликёра хихикает и предостерегает

Несмотря на свою смерть, мой друг Обелен Жоликёр – умный, порочный и восхитительный оппонент – предостерегающе трясет передо мной пальцем – точно так же, как делал при

i Guette – «Война» (фр.)

жизни. Самое существенное различие – в том, что теперь мне не приходится покупать ему выпивку и еду. «Я же говорил тебе, Эрб! *Catastrophe!* Я же – мистер Гаити, ты сам с этим соглашаешься! *Catastrophe totale!*»

Он винит США в неверном поведении: они непоследовательны, подвержены внезапным приступам раздражения, будто ребенок, перекормленный сладостями. По его мнению, выходом из положения мог бы стать какой-нибудь милый диктатор вроде Папы Дока Дювалье, лишь бы он не пытал врагов, или, по крайней мере, не пытал бы воображаемых врагов; или вроде сына Франсуа Дювалье, Жан-Клода, Детки Дока, только с интеллектом повыше, и с менее корыстной женой... Замолчи, Оби, пускай ты только призрак, а я – только гость на территории твоей страны, давай я продолжу вести с тобой наш спор, длящийся уже пятьдесят пять лет.

Традиционная гаитянская элита – это, в целом, люди с несколько более светлой кожей, хотя принадлежат к ней и другие, тоже традиционные, черные семьи – такие, как семья моего друга, антрополога и писателя Жана Прис-Мара, автора книги «*Ainsi Parla l’Oncle*» («Так говорил Дядя»). Его сын, Луи Мар, психиатр, уверял меня, что в Гаити неизвестны случаи шизофрении, потому что здесь люди, страдающие расщеплением личности, могут все свои ипостаси проявлять в вудуистских ритуалах одержимости. (Здесь он ошибался. О, как он ошибался! Это верно, что в состоянии одержимости мужчина может временно «превратиться» в женщину или в Божью кобылу, но ведь в Гаити полно уличных сумасшедших, бормочущих стихи – порождение словесного бреда.)

Унаследованная элита не боялась тяжелой работы, однако предпочитала, чтобы ее выполняли другие. В бывшей французской колонии до сих пор сохраняются некоторые изящные колониальные постройки и колониальные привычки правящего класса. Мой приятель, врач-адвокат, аттестованный в Париже, не практиковал ни в одной из этих областей; впрочем, когда я подхватил малярию, он профессионально осматривал и ощупывал меня, пока я не нашел настоящего, практикующего лекаря. Однажды врач-адвокат спросил меня, не хочу ли я заняться сексом со служанками в комнате, а когда я чопорно ответил, что нет, то шуточно предложил: «А как насчет кошки или собаки?» Для него челядь была вроде домашних животных – с той только разницей, что слуги чистили, мыли, подавали и несли за ним теннисные ракетки, когда он отправлялся в свой клуб.

Здесь что-то происходит, но никто знает, как это все понимать, а вслед за этим будет происходить еще что-нибудь, поэтому

---

i Полная катастрофа! (*фр.*)

нам вовсе необязательно знать, что происходило вчера, хотя это было ужасно, это было трагично, а значит, нам необходимо это знать, потому что нас захлестывают новые убийства, похищения людей, бунты из-за продовольствия, заговоры, махинации... Но тут вдруг выпадают трехдневные выходные – так давайте лучше отмечать день рождения Папы Легбы.

Как-то раз, когда я прогуливался неподалеку от Марше-о-Фер («Maché Feh» по-креольски), эйфелевского Железного рынка в похужей на муравейник деловой части Порт-о-Пренса, ко мне подошел человек с листком бумаги, оторванным от книжной страницы, и спросил, знаю ли я Че Гевару. «Лично – нет», – признался я.

Он, похоже, удивился. «Но вы знаете, как пишется его имя?» Он изо всех сил старался офранцузить свой креольский.

Я написал, и он в смущении глядел на мою запись. Тогда я написал еще раз – печатными буквами. «А! Так значит, там нет буквы «Т»?» Он взял у меня ручку и приписал *T* – ТСНЕ.

«Нет, буква *T* там не пишется», – заверил я его.

Он улыбнулся мне благодарной, но изумленной улыбкой. «Ah! Merci ampil, Blanc».ⁱ

В середине пятидесятых годов население Порт-о-Пренса составляло чуть больше 200 тысяч человек. Это был перенаселенный город, но тут сохранялись деревья, сады, чувство добрососедства и общинного единения, связь с деревней; тут кукарекали петухи, по улицам ходили ослы и лошади, раздавались звуки вудуистских барабанов и шум веселых пирушек – «бамбошей», нарушавших тишину ленивых тропических ночей. С тех пор численность населения в столице выросла вдесятеро, теперь этот город – кишмящая людьми пыльная свалка, задыхающаяся от грязи и вони. Все, кто может сбежать в Америку или Канаду, бегут; а сюда устремляются отчаявшиеся крестьяне, побросавшие свои истощенные клочки земли, и, ища избавления, живут прямо на улице. В изящном колониальном порту, как опухли, разрослись новые трущобы, где нет ни санитарных удобств, ни электричества, зато с избытком водится отчаяние. Похоже, мир поглощен деловитым саморазрушением.

И все-таки здесь еще живы – по крайней мере, для меня – музыка, остроумие и находчивость, хотя сыновья уверяют меня, что я выискиваю призраки, фантазии и воспоминания, с которыми мне жаль расставаться. Гаити – это упрек самому себе, но еще и остальному миру.

Помню, когда я вернулся в Гаити в 1986 году, после падения клептократической династии Дювалье и бегства Детки

ⁱ А! Большое спасибо, Белый (*искаж. фр.*)

Дока, этого кувшинного рыла, спасавшего свою шкуру, водители ворчали, если улицу вдруг перегораживало дерево, или чье-то тело, или куча мусора: «C'est faute Duvaliers». Это Дювалье виноваты.

И теперь кое-где на дорогах валяются деревья, только *c'est faute Aristide*. Все могло бы быть иначе, если бы сладкоречивый Мессия не подхватил разом все гаитянские президентские хвори – демагогию, компромисс с коррупцией и наркоторговлей, жажду власти, – к которым добавился личный гарнир в виде елейного самолюбования. Я наблюдал во время второго правления Аристиде, как он пел и заставлял группы школьников откликаться на его речи с балкона в саду Национального дворца. Когда ему на короткое время начинало не доставать елейной смазки, он впадал в какой-то монотонный танец с поклонами и повторами-заклинаниями: «L'amour, la paix... la paix, l'amour».

Кто бы отнесся с подозрением к этим призывам к любви и миру, кроме, разве что, заезжего писателя из Сан-Франциско? Подобно многим гуру, Жан-Бернар Аристиде преклоняется перед собственной святостью. В Южной Африке, где его посетил кинорежиссер Джо Менелл, он ожидал, что его призовут к очередному мессианскому возвращению. Такой повтор сценария мало правдоподобен; его жена предпочитает оставаться в живых, пускай даже сам Титид, подобно Джиму Джонсу в Гайане, возможно, принес бы себя в славную жертву.

В Гаити сохраняется разделение между горожанами – разъяренными, целиком поглощенными взваливанием вины на всех подряд – на мулатскую элиту, на черную элиту, друг на друга, – и доведенными до отчаяния крестьянами, насилу добывающими пропитание со своих размытых и выветренных полей. Церемонии с целью умиловить Дамбаллу, великого бога-змея, или Эрзули, богиню любви, или различных богов, заведующих земледельческими работами, дождем и прочими житейскими делами, кажется, приносят все менее ощутимые результаты. Зато вновь обретают могущество Агун Феррай, бог войны, и Барон Самди,ⁱ владыка кладбищ. Заезжие церковные агитаторы привозят чуждых малокровных иноземных богов, но хотя бы угощают рисом и бобами, а не одними только гимнами. В деревнях я видел больных квашиоркором (детской пеллагрой, вызванной нехваткой протеинов, от которой происходит вздутие живота, скручиваются и рыжеют волосы, задерживается умственное развитие), и фрамбезией – болезнью, похожей на проказу. В Пети-Гоаве, недалеко от Порт-о-Пренса, один человек протянул мне

ⁱ Ключевые персонажи вудуистского пантеона [Ferraille по-французски значит «железный лом». Samedi – «суббота» (фр.)]

свежевыловленную рыбу, чтобы я мог получше рассмотреть ее. Цена была хорошая, но у человека, продававшего рыбу, не было носа – только остатки того, что некогда было лицом.

«Я не кандидат!»

В 1953 году на улицах днем и ночью сновали «госпожи Сары», с корзинками на голове спешившие на рынок или с рынка, – и бродили ослы, свиньи, дети; семьи общались между собой на улице. Изредка проезжали машины – чаще всего «богаты», как называют по-креольски всякие старые драндулеты, изношенные и чиненные-перечиненные, от каких отказываются даже в Колумбии, – ну и, конечно же, роскошные автомобили элиты – правительственных чиновников и избранной горстки бизнесменов, специалистов, землевладельцев. В воздухе пахло дымом кухонных жаровен и небубранными гниющими тропическими фруктами. Кричали петухи, гудели барабаны, чистильщики обуви стучали по своим ящикам с ваксой: таковы были звуки деревенского города, островного порта и оживленной гавани.

Теперь по ночам на улицах царит зловещая тишина. Правление генерала-президента Поля Маглуара, симпатичного бабника и пьяницы без особого вкуса к жестокости, вспоминается как «золотой век»: концерты, театральные представления в парках. Поэт Феликс Мориссо-Леруа переложил классические древнегреческие драмы на креольский и подготовил постановку «Антигоны в Гаити», где Креон превращен в сельского начальника полиции, а Тиресий – в жреца вуду. После прихода к власти Франсуа Дювалье Мориссо бежал, спасая свою жизнь, и возглавил телерадиовещание в Сенегале, где я и навещал его. Когда мы заговаривали о его родине, мой остроумный и добродушный друг плакал. После падения Детки Дока поэт вернулся на родину, его с большой помпой привезли из аэропорта. Его седые волосы были взъерошены, а когда праздничная процессия остановилась, он сделал удивительное, типично мориссовское заявление: «Я должен сообщить вам нечто очень важное! Я – не кандидат на пост президента!»

В этом он был почти уникален.

Архитектор и политик Лесли Вольтер не принадлежал к этой партии Мориссо-Леруа, состоявшей из одного человека. Метя на должность президента, он заявлял: «Гаити – наименее склонное к насилию государство на Карибах» – и доказывал свое мнение данными статистики – официальной гаитянской статистики, этого порождения непогрешимой фантазии серийного кандидата в президенты. Он мог бы добавить, что нехватка продо-

вольствия существует лишь в городах и в деревне, да и то среди бедняков. Богачи же голодают лишь тогда, когда выписывают модные журналы и стремятся походить стройностью на фото-моделей. «Bon Dieu Bon». Бог Добр.

Штаб-квартира Рабочей партии «Коммунистический революционный марксистско-ленинский фронт» находилась, кажется, в том же здании, где продавались лотерейные билеты и сигареты поштучно – для тех, у кого не было денег на целую пачку. Бывший чиновник в кабинете министров Аристид предсказывал: «Будет взрыв. Он еще вернется. Предатели предстанут перед правосудием Папаши Лебрена».

Папаша Лебрен был торговец шинами. Однажды Аристид сказал в своей речи, что ему по душе правосудие Папаши Лебрена, который делает смертельные ожерелья: надевает шины жертвам на шею и, облив бензином, поджигает.

Я спросил другого бывшего сторонника Мессии, действительно ли есть шанс на очередное его возвращение на землю Гаити – этого центра вселенной. Он надолго – секунды на четыре – задумался, а потом закатил глаза и прокричал: «Нет, черт возьми!» Он брызнул своим ромом с содой и любезно добавил, вернув глаза в нормальное положение: «Но спасибо за вопрос, хотя я понимаю, это ваш журналистский долг. Если вы отправитесь в Южную Африку, то, без сомнения, Титид даст вам совсем другой ответ, благослови его Господь».

Я волновался, сомневаясь в беглости моего французского накануне беседы в Институте Франции в мае 2008 года, где мне должны были задавать вопросы и, возможно, высказывать какие-то возражения по поводу моей книги о Гаити. Я говорил, не ставя перед собой слишком сложных задач, а затем наступил черед вопросов. К счастью, слушатели предпочитали не столько озадачивать гостя трудными вопросами, сколько произносить собственные речи. Слова попросил гаитянский поэт, известный как своим красноречием, так и привычкой выпивать за завтраком бутылку рома (если нельзя было раздобыть виски). Он стоял, размахивая руками, и произносил речь, выдвигая три возможных решения проблем Гаити: 1. Истребление всех гаитян; 2. Всеобщая эмиграция; и 3. Вхождение Гаити в состав США в качестве штата или территории, подобно Гавайям или Пуэрто-Рико. Переведа дух, он, наконец, перешел к вопросу: «Какое решение вы предпочитаете?»

Моего французского хватило на адекватный ответ: «Должно существовать четвертое, пятое или какое-то другое решение». Поэт сложил руки. Он выполнил свою миссию.

Другой человек, задавая вопрос, предлагал подсказать ка-

кое-нибудь «духовное» средство спасения: вера свидетелей Иеговы, мормонство, вуду или... йога?

У меня уже истощились запасы духовных средств. Вместо этого я воззвал к гаитянской находчивости, таланту, уму, трудолюбию. Тут подали прохладительные напитки. А французы – моя принимающая сторона – накормили меня отличным ужином.

Когда я возвращался с горы в город, менее зараженный миллионерами, мой автомобиль едва не столкнулся с omnibusом-«тап-тапом», набитым вечерними пассажирами, которые спешили на рынок с курами и мешками лука. Английский язык становится все более популярным в надписях, намалеванных на этих «тап-тапах». Один назывался ДАР БОЖИЙ. У других были названия ПОСЛЕДНИЙ КОМФЛИТ и КОММОНИЗМ ПОБЕДИД, С БОЖЬЕЙ ПОМОЩЬЮ. Что ж, если бы американский общественный транспорт украшали креольские имена, там бы тоже, наверно, происходили *комфлиты* с правописанием.

В день отъезда я завтракал на террасе «Олоффсона» в одиночестве, если не считать шведского эколога, который разрабатывал средства защиты от эрозии почв. Над Порт-о-Пренсом расстилалась густая пелена дыма.

Шведский эколог подвел меня по пандусу к площадке этажом выше, откуда видно было пламя, вырывавшееся из района Железного рынка. Там что-то горело, горело, дым валил клубами, языки пламени рвались кверху, а пожарных все не было видно. Может быть, у пожарных выходные? Ближайшие улицы заполнились едким дымом, его запах достигал верхнего района, откуда мы и наблюдали пожар, желая, чтобы вдруг, посреди засушливого сезона, пошел дождь. *Воп Dieu Воп*; что ж, *иногда* ведь Бог бывает добр.

«День Матери уже давно прошел. Разве пожарные еще не вернулись на свои посты?» – сказал я.

Шведский эколог мрачно прокомментировал: «Скоро начнутся новые бунты из-за еды. Думаю, это приведет к беде».

Бунты из-за еды имеют тенденцию повторяться. Пожар усилит страдания людей; кое-кто заговорит о том, что это – саботаж; все начнут просить правительство о помощи и, как обычно, не дождутся ее.

Воздух заполнял горький привкус горящего мусора, имущества и человеческих жизней, растворявшийся в дыму. В небе показался вертолет, но вскоре он исчез в направлении Доминиканской республики. Мы со шведом смотрели и ждали. Он сказал: «Скоро в Гаити останется одно-единственное дерево, и комиссия ЮНЕСКО повесит на него мемориальную табличку с

надписью «Дерево», и люди будут приходить к нему, любоваться и дивиться, что когда-то были такие чудеса».

Кружась по орбите смертности, как будто подчиняющейся законам вечного движения, Гаити по-прежнему стремится к выживанию.

Во время этого пребывания в стране, в 2008 году, я так и не смог пробиться к моему старому другу Тео Дювалю, бывшему посланнику в Англии – улыбочивому, симпатичному и обаятельному представителю обоих Дювалье. Позже, больной и беспомощный, он не хотел, чтобы дети видели его в таком состоянии. Его жена и дети жили в Европе. Его телефон не отвечал. Мои расспросы вызывали недоумение. Некоторые думали, что он давно умер, но точно никто ничего не знал. А несколько лет назад Дюваль рассказывал мне, что у него есть последняя политическая задача: начать молниеносную кампанию с целью замены старомодного флага Гаити, водруженного, среди прочих флагов, на Луне, правильным, новым флагом.

«Дорогой друг, – говорил он мне, – пожалуйста, узнайте, кто из астронавтов может справиться с такой задачей? Во имя чести и достоинства Гаити?»

В сентябре 2008 года – через несколько месяцев после того, как я там был, – над Гаити промчались ураганы. Значительная часть острова оказалась под водой. Помощь, когда ее предлагали, даже невозможно было доставить. Бессчетное количество людей утонуло, погибло от разрушений, умерло от голода и от болезней. Если бы в природе или у богов существовала справедливость, то это было бы чересчур жестоко.

P.S. Две недели спустя после землетрясения, Сан-Франциско.

Горе. Предположив, что очередная катастрофа оказалась бы чересчур жестокой, я и подумать не мог, что впереди еще конвульсии земли.

Горе. Но мое горе никого не исцеляет. Что я могу сделать? Лишь следить за траекториями боли в Порт-о-Пренсе, Жакмеле, повсюду в *Haiti Chérie*, Милом Гаити. Боли тех, кто еще жив, и тех, кто исчез, и тех, кто остается. Обшарпанному великолепию неповторимого мира, где жило почти девять миллионов людей, кажется, нанесен смертельный удар.

Ужас, какой нам ближе и понятнее, – это абсурд человеческой несостоятельности. Преподобный Пэт Робертсон, популярный теле-евангелист, когда-то всерьез баллотировавшийся в президенты США, провозгласил, что Гаити наказан за свой сговор с дьяволом – за то, что прогнали французских колониалистов-рабовладельцев. Раш Лимбо, самый успешный радиоболтун, посоветовал американцам не жертвовать деньги на помощь Гаити, потому что «им и так достаточно перепадает от наших налогов». Я волен ненавидеть их обоих, не стесняясь, и тут есть чем утешиться: их заявления были встречены насмешками. На самом деле, американцы выказывают настоящее сострадание, они уже собрали сотни миллионов долларов помощи.

Но фарс неискореним. Джон Траволта, актер и рьяный сайентолог, набил целый самолет «целителями»-сайентологами, и в аэропорту Порт-о-Пренса ему при посадке давали преимущество перед самолетами, на которых прибыли срочно требующиеся врачи и медицинское оборудование.

Ампутации, проводимые ножовкой без анестезии, дети, погребенные под завалами разрушенных школ и церквей, бездомные и лишившиеся разом всего люди, бродящие по дорогам и умирающие на обочине... Достаточно ли справедливо они наказаны, преподобный доктор Робертсон?

Если что-то и внушает надежду на человеческую природу, так это поток помощи, хлынувший сюда со всего мира. (Почти.) Один мой друг в Сан-Франциско, потрясенный новостями, пригласил к себе домой как можно больше людей и попросил каждого принести чек на приличную сумму, а взамен пообещал только пиццу и вино. Один из соседей отказался прийти: «Пиццу я уже ел вчера». Но дом моего друга оказался полон, и он за один вечер собрал тысячи долларов.

Мой знакомый китайско-американский доктор взял отпуск у себя в больнице и полетел в Гаити. Одна протестантская служительница, которую я однажды инструктировал перед тем, как она отправилась работать в хосписе для больных СПИДом, организовала группу врачей и медсестер, одновременно скорбя о гибели двух руководителей ее миссии в Гаити.

Отель «Олоффсон» все еще рискованно стоит, хотя стена, окружавшая его, обрушилась, убив по крайней мере одного человека. Парадоксально, но отель заполнен, хотя (как поговаривают) свободен. Люди устраивались лагерем в зоне парковки. Ричард Морзе прислал по электронной почте сообщение: «Тела тела тела».

Те, кто любит Гаити, клянутся: Тело Гаити еще воскреснет.

